

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как Трипитака был погребен в водном царстве, и как бодисатва Гуаньинь спасла его, выловив рыбу-чудовище

Итак, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе, Ша-сэн и братья Чэнь прибыли на берег реки.

— Ну, братья, — сказал Сунь У-кун, — решайте, кто из вас первым войдет в воду.

— Дорогой брат, — отвечал ему Чжу Ба-цзе. — Какие у нас способности! Нет сомнения, что первым идти в воду должен ты.

— Что ж, братья, — промолвил тогда Сунь У-кун, — не стану скрывать от вас. Если бы речь шла о борьбе с горными духами, я не стал бы даже беспокоить вас. Но с водяными силами мне не совладать: я бессилен. Перед тем как опуститься в реку или море, я обычно произношу заклинание, чтобы предохранить себя от действия воды, или же превращаюсь в какого-нибудь водного обитателя: рыбу или рака. Но в этих случаях я не могу пользоваться своим посохом, и тогда мне не справиться с чудовищем. А вот вы все в воде чувствуете себя, словно дома, поэтому я и предложил отправиться вам туда.

— Дорогой брат, — возразил тут Ша-сэн. — В воде я действительно чувствую себя неплохо, но не знаю, что там делается. Я думаю, что нам следует отправиться туда всем вместе. Ты прими какой-нибудь другой вид, и один из нас понесет тебя на спине. Когда же мы достигнем логова этого чудовища, ты пойдешь вперед и разузнаешь, что там делается. Если наш учитель жив, невредим и все еще там, тогда уж мы примем все меры, чтобы наказать чудовище. Но, может быть, оно здесь ни при чем. Может быть, наш учитель утонул или же чудовище успело съесть его. В таком случае нам нечего лезть на рожон и будет лучше, если мы отправимся на поиски какого-нибудь другого занятия.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Сунь У-кун. — Кто же из вас понесет меня?

Услышав этот вопрос, Чжу Ба-цзе обрадовался. «Эта обезьяна уже не раз подшучивала надо мной, — думал он. — Теперь настала моя очередь. Понесу-ка я его на своей спине, ведь он не умеет плавать».

— Ну что ж, брат, я понесу тебя, — с готовностью отозвался Чжу Ба-цзе.

Однако Сунь У-кун сразу же разгадал мысли Чжу Ба-цзе и решил принять меры предосторожности.

— Очень хорошо, — сказал он. — У тебя спина покрепче, чем у Ша-сэна.

И вот Чжу Ба-цзе посадил себе на спину Сунь У-куна, и они спустились на дно. Впереди, прокладывая дорогу, шел Ша-сэн. Они проделали уже более ста ли, когда Чжу Ба-цзе решил

подшутить над Сунь У-куном. Догадавшись о его намерениях, Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, оставил на спине Чжу Ба-цзе. Сам же он превратился в свиную вошь и крепко впился Чжу Ба-цзе в ухо. А Чжу Ба-цзе в это время нарочно споткнулся и упал, чтобы Сунь У-кун перелетел через его голову. Но тут двойник Сунь У-куна взлетел вверх и бесследно исчез.

— Что ж ты делаешь, брат? — с упреком сказал Ша-сэн. — Дорога здесь, конечно, скверная, глинистая и поскользнуться немудрено. Но как это тебя угораздило сбросить нашего брата так, что даже неизвестно, куда он исчез.

— Обезьяне следовало бы подготовиться ко всяким неожиданностям, — сказал Чжу Ба-цзе. — А она от одного лишь толчка вдруг исчезла. Ты, брат, лучше не думай, что с ней могло случиться. Мы отправимся разыскивать учителя сами.

— Нет, так дело не пойдет, — запротестовал Ша-сэн. — Надо во что бы то ни стало найти его. Хоть он в воде и не очень ловок, зато куда хитрее нас. Без него я не пойду.

В этот момент Сунь У-кун, сидевший за ухом у Чжу Ба-цзе, не удержался и крикнул:

— Я здесь, Ша-сэн!

— Ну, все кончено, — улыбнулся Ша-сэн. — Теперь тебе, Дурень, конец! И угораздило же тебя подшутить над ним! Ну, что теперь делать? Ведь мы только слышим его голос, а не знаем, где он находится.

— Дорогой брат! — воскликнул не на шутку перепуганный Чжу Ба-цзе, опустившись на колени прямо в грязь и отбивая земные поклоны. — Я виноват перед тобой. Когда мы освободим нашего учителя и вернемся на берег, я принесу тебе извинения по всем правилам. Где ты сейчас? Я досмерти напуган. Пожалуйста, прими свой обычный вид, я понесу тебя и уж никаких шуток больше не позволю.

— Да ты меня и так несешь, — ответил Сунь У-кун. — Иди-ка побыстрее, я ничего тебе не сделаю.

Продолжая бормотать извинения, Чжу Ба-цзе поднялся и пошел вслед за Ша-сэном. Пройдя примерно сто с лишним ли, они увидели перед собой высокое здание с надписью: «Дворец водяной черепахи».

— Здесь, наверное, и обитает это чудовище, — сказал Ша-сэн. — Как же мы вызовем его на бой, если не знаем, что здесь делается?

— Ша-сэн, — промолвил тут Сунь У-кун, — как, по-твоему, там за воротами тоже вода?

— Нет там никакой воды, — отвечал Ша-сэн.

— Ну, в таком случае, — заявил Сунь У-кун, — вы спрячьтесь где-нибудь поблизости, а я пойду на разведку.

С этими словами он выполз из-под уха Чжу Ба-цзе, встряхнулся и превратился в старого краб-самку. Затем он мигом перемахнул через ворота и осмотрелся. Прямо перед собой на возвышении он увидел духа, по обеим сторонам которого рядами сидели его подчиненные. Справа сидела окунь-самка, в пестрых одеждах. Они обсуждали вопрос о том, как будут есть Трипитаку. Сунь У-кун внимательно осмотрел все кругом, Трипитаки нигде не было. Вдруг он заметил толстобрюхую самку-краба, которая ползла к западной веранде.

— А где же, мамаша, Танский монах, о котором говорит наш князь со своими приближенными? — спросил Сунь У-кун, быстро подползая к ней.

— Для того чтобы поймать Танского монаха, — отвечала ему краб-самка, — наш князь заморозил реку. Вчера он поймал его и положил в каменный ящик, что стоит за дворцом. Если до завтра ученики этого монаха не появятся здесь и не затеют скандала, то будет устроено настоящее торжество с музыкой и другими приятными вещами.

Сунь У-кун для вида поболтал еще немного с крабом-самкой, а потом направился прямо за дворец. Там он действительно увидел большой каменный ящик, напоминающий не то кормушку для свиней, которую обычно делают из камня, не то большой каменный саркофаг. Сунь У-кун измерил его. Оказалось, что в длину ящик имеет всего шесть чи. После этого Сунь У-кун склонился над ящиком и прислушался. Изнутри был слышен плач Трипитаки. Сунь У-кун ничего не сказал и, прикинув ухом к ящику, продолжал слушать. От негодования Трипитака даже скрежетал зубами, горько сетуя на свою судьбу.

Всю жизнь мою грозила мне вода.

Она несла мне бедствия всегда,

С тех пор как появился я на свет:

Я по волнам носился с детских лет,

Когда же я паломником пошел,

То свергнут был судьбой в пучину зол.

Чуть было на Хэй-хэ не потонул,

А нынче в самый ад я заглянул.

Я — подо льдом. Сумеют ли прийти

Ученики — в беде меня спасти?

Священный я достану ли Канон,

И буду ли домой я возвращен?

Эти причитания так подействовали на Сунь У-куна, что он, не в силах молчать, воскликнул:

— Учитель, не печальтесь! В сутре «Наводнение» говорится: «Земля — мать пяти элементов, вода — источник пяти элементов. Без земли мы не родились бы, без воды — не могли бы расти». Успокойтесь, учитель, — я пришел.

— Спаси меня, ученик мой! — услышав его, взмолился Трипитака.

— Успокойтесь, — повторил Сунь У-кун. — Потерпите, пока мы поймаем это чудовище: тогда мы непременно освободим вас.

— Поторопитесь. — продолжал Трипитака, — если я пробуду здесь еще один день, то задохнусь.

— Все будет в порядке, — заверил его Сунь У-кун. — А сейчас мне надо идти.

Он быстро повернул обратно, выпрыгнул через стену и, добравшись до ворот, принял свой обычный вид.

— Чжу Ба-цзе! — позвал он.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тотчас же явились.

— Ну, как, брат, обстоят дела? — в один голос спросили они. — Это чудовище действительно захватило нашего учителя и заперло его в каменном ящике, — сказал Сунь У-кун. — Пока наш учитель цел и невредим вам надо сейчас же начинать действовать, а я пойду на берег. Если вам удастся захватить чудовище, — прекрасно! Если же вы увидите, что не в силах этого сделать, притворитесь, что проиграли сражение, и постарайтесь выманить чудовище из воды. А там уж я сам с ним расправлюсь.

— Можешь быть спокоен, дорогой брат, — промолвил Ша-сэн. — Мы сделаем все, что надо.

После этого Сунь У-кун произнес заклинание, предохраняющее от воды, быстро достиг берега и, выбравшись на сушу, стал ждать.

А теперь посмотрите, что начал проделывать Чжу Ба-цзе. Со свирепым видом он ринулся к воротам и во всю мочь заорал:

— Эй ты, морское чудовище! Сейчас же освободи нашего учителя!

Услышав его крики, духи-привратники опрометью ринулись к своему начальнику.

— Великий князь! — доложили они. — У ворот кто-то кричит и требует, чтобы ему выдали учителя.

— Это, конечно, проклятые монахи, — отвечал на это дух. — Ну-ка, подайте быстрее мое оружие! — приказал он.

Подчиненные бросились выполнять его приказание. Надев боевые доспехи и взяв оружие, дух приказал открыть ворота и покинул дворец. В полном боевом снаряжении он предстал перед стоявшими по обеим сторонам ворот Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. О, что это было за зрелище!

В шлеме он явился золотом —

Сразу осветилось все кругом;

На кольчуге — радуги дуга,

С пояса свисали жемчуга;

Нос был вздернут, словно горный пик;

Лоб был по-драконьему велик,

Страшен блеск округлых, злобных глаз,

Сталь зубов ровна, как напоказ.

В светло-желтых был он сапогах,

Пламень загорался в волосах,

Борода торчала сотней шил —

Длинную он бороду носил.

Стебельки подводных нежных трав

Он держал во рту, зубами сжав;

Медный посох в девять лепестков

Грозно подымал он на врагов.

Скрип дверей, как вешний гром, гремел —

Так был дух величествен и смел,

Что именовался, не чинясь,

«Мы — великий и священный князь».

Духа сопровождало более ста подчиненных. Они расположились рядами вокруг своего начальника и размахивали пиками и мечами.

— Ты из какого монастыря, монах? И как осмелился явиться сюда и шуметь?! — крикнул дух.

— Вот я тебе сейчас покажу, чудовище! — крикнул в ответ Чжу Ба-цзе. — Лишь позавчера я поспорил с тобой, а сегодня ты уже не желаешь признавать меня! Я — ученик благочестивого монаха великих Танов из Китая, мы держим путь на Запад, чтобы поклониться Будде и испросить у него священные книги. Ты прибегаешь ко всяким хитростям и до того обнаглел, что стал именовать себя Великим священным князем. Ты пожираешь детей из селения Чэньцзячжуан. Я девочка И Чэн-цзинь. Разве ты не узнал меня?

— Ах ты мерзкий монах! — крикнул в ответ дух. — Да как ты смел превратиться в И Чэн-цзинь? Знаешь ли ты, что присвоение чужого имени — преступление, за которое ты отве тишь? Мне не только не удалось съесть тебя, но ты же еще ранил меня в плечо. Ведь я не тронул тебя, как же ты осмелился явиться сюда и нарушить мой покой?

— Ты сжалился надо мной, — возразил Чжу Ба-цзе, — но зачем напустил холодный ветер, заморозил реку и устроил западню нашему учителю? Сейчас же верни его нам, и мы не станем беспокоить тебя, но, смотри, не вздумай отказать нам: взгляни на эти грабли, знай, пощады не будет!

— Ну и разошелся этот монах, — сказал дух, ехидно улыбнувшись. — Что ж, если хочешь знать, так это действительно я напустил холод и заморозил реку. Я захватил вашего учителя. Однако, если ты думаешь, что тебе удастся вернуть его, так знай, что сейчас дело обстоит иначе, чем в прошлый раз. Тогда я отправился на пиршество и не захватил с собой никакого оружия. Лишь поэтому тебе удалось ранить меня. Но теперь ты от меня не уйдешь. Знаешь что: давай сразимся круга три, одолеешь меня — я верну вам вашего учителя. Не одолеешь, я съем впридачу и тебя.

— Дорогой сынок! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Что ж, пусть будет по-твоему! Но посмотри хорошенько на эти грабли!

— А монах-то из тебя никудышный, — заявил дух.

— Слушай, сынок, — сказал Чжу Ба-цзе, — а ты, оказывается, не так глуп. Ведь я действительно совсем недавно стал монахом. Но как ты узнал?

— Да по тому, как ты орудуешь граблями, — отвечал дух. — Ты, наверное, работал на каком-нибудь огороде и стащил их у хозяина.

— Сынок, — произнес Чжу Ба-цзе, — уж не думаешь ли ты, что этими граблями обрабатывают землю. Так вот слушай:

Молот, посох и грабли

Бились ожесточенно

Сплавлены были зубья,

Словно когти дракона;

Яркие, золотые,

Были на змей похожи;

Слабый враг перед ними

Падал в смертельной дрожи.

Если ж бывала встреча

С равными им врагами,

То извергали грабли

Невыносимое пламя.

Вот ЧЖУ Ба-цзе с Ша-сэном

Биться с духом решили —

Много в пути на Запад

Духов они сразили;

Тучами крыли небо —

Солнце пряталось где-то;

Если же было нужно,

Все заливали светом.

Встав, Чжу Ба-цзе великий

Крикнул на поле брани

«Хоть распугал ты тигров

В горных лесах Тайшани,

Хоть бы тебя страшились

В синем море драконы,

Девять дырок получишь,
Граблями заклеименный!»

Однако дух не поверил Чжу Ба-цзе и взмахнул своим медным молотом, готовясь нанести страшный удар. Но Чжу Ба-цзе успел загородиться граблями.

— Вот гнусное чудовище! — заорал он. — Ты ведь совсем недавно стал оборотнем.

— А откуда это тебе известно? — удивился дух.

— Да видно, как ты орудуешь молотом. Наверное, работал у серебряных дел мастера, — отвечал Чжу Ба-цзе, — а потом украл у него молот.

— Этот молот вовсе не предназначен дляковки серебра. Вот послушай, что я тебе скажу:

Девять лепестков сложились вместе:

Палицу они образовали

Со стволом пустым, цветеньем вечным

На земле отыщется едва ли,

Разве только встретится на небе,

Лотосоподобное растение:

Плод — коричнев, корка — изумрудна:

Всех оно прекрасней, без сравненья!

В старом яшмовом пруду небесном

Выросло и дышит ароматом.

Я ковал его, чтоб крепость меди

Спорила с испытанным булатом.

Что пред ним и сабли и секиры! —

Топоры дробит одним размахом.

Чуть оно твоих коснется грабель,

Сразу грабли разлетятся прахом!

Увидев, как они расшумелись, Ша-сэн не стерпел и, выступив вперед, крикнул:

— Эй ты, чудовище! Перестань бахвалиться! Ведь старые люди недаром говорили: «Чем хвалиться попусту, лучше выйти и показать, на что ты способен». А теперь — ни с места! И попробуй-ка, сразись со мной.

Дух вовремя успел предохранить себя от удара, загородившись молотом.

— Да какой из тебя монах! — крикнул он.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ша-сэн.

— Потому что с виду ты простой пекарь.

— Чем же я, по-твоему, похож на пекаря?

— А тем, что так ловко орудуешь скалкой.

— Ах ты тварь грязная! — Ша-сэн даже выругался. — Ды ты, наверное, и не знаешь, что:

Нет оружия у людей такого —

Ты поэтому его не ценишь!

Из чертогов вынесено лунных,

Не могло оно отбросить тени

Из священнейшего древа Соло

Сделано, украшено богато,

Камни драгоценные снаружи,

Золото внутри и ароматы

Брал его когда-то император:

На пирах оно тогда блистало.

Взял его я, чтоб оно монаха

Силою волшебной охраняло.

Пусть в путях на Запад неизвестно,

Но зато на небе знаменито!

От его единого удара

Ты падешь в бою, с башкой разбитой!

Дальше дух не мог слушать, он даже в лице изменился от гнева, и тогда на дне реки произошел отчаянный бой.

Чжу Ба-цзе, Ша-сэн схватились с духом:

Был один — небесным полководцем,

На землю сошедшим добровольно;

Был другой — небесным полководцем,

Изгнанным в пределы преисподней.

С двух сторон они сжимали духа,

Наседая с силою могучей

Похвалялся дух, что в одиночку

Он сопротивляется монахам.

На роду написано им было

Чистой добродетели достигнуть —

Только каждой вещи в этом мире

Противостоит другая сила.

Если воду побеждает суша,

Высохнет вода — и дно откроет,

Из воды ж являются деревья,

И на них цветы благоухают

В этом тайный смысл ученья Будды;

Этим руководствуясь законом,

И бессмертья делают пилюли

Мать-земля рождает в темных кедрах

Золота прекрасные побеги;

Золото опять рождает воду,

А вода детей своих рождает

Жизни всей дает вода основу:
И поит цветы, поит деревья,
Дерево огонь в себе содержит.
Всех пяти стихий соединенья
Проявляются многообразно,
Изменяя лик они в боренье
Посмотрите, как прекрасен молот.
Медными он блещет лепестками.
Как чудесен посох полосатый, —
Он огнями яркими сверкает!
Изначально в мире были грабли,
Светоносны как светила неба
Все распалось на девять — в боренье...
В неизвестном разобраться трудно
Но монахи жертвовали жизнью,
Чтобы соблюсти свои обеты,
Отказались от удобств житейских,
Сакья-муни послужить желали,
Не боясь опасностей смертельных;
Здесь, в сражение, выступали дружно.
Не давая молоту простора
Слева — посох отражал удары
Справа — молоту встречались грабли.

Уже четыре часа бились трое под водой, однако так и нельзя было сказать, кто из них победит. Наконец Чжу Ба-цзе понял, что им не одолеть духа, и подал знак Ша-сэну, Притворившись побежденными, они бросились назад, волоча за собой свое оружие.

— Ребятки! — крикнул тут дух своим подчиненным. — Вы оставайтесь здесь на страже, а я догоню этих стервецов: отличная у вас будет закуска.

И вы только взгляните: словно лист, несомый осенним ветром, или цветы, сбитые дождем, дух, поднявшись на поверхность воды, помчался за своими противниками.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун стоял на восточном берегу и пристально следил за прибрежными волнами. Вдруг вода забурлила и из нее с шумом и криком, задыхаясь, выскочил Чжу Ба-цзе, а вслед за ним показался и Ша-сэн.

— Пришел, здесь! — кричали они.

— Стойте, куда вы? — раздался крик, и из воды тотчас же выскочил дух.

— Отведай-ка моего посоха! — заорал тут Сунь У-кун.

Однако дух успел уклониться от нападения и, взмахнув своим молотом, стал отражать удары. Один из противников вздымал волны, другой — проявлял свою волшебную силу на берегу. Однако не успели они схватиться и трех раз, как дух почувствовал усталость и, поняв, что сопротивляться дальше не в силах, исчез в водных глубинах. После этого наступила тишина, и волны не тревожили больше реку.

— Ну и досталось нам, братья, — вздохнул Сунь У-кун.

— Дорогой браг, — сказал тут Ша-сэн. — На берегу дух чувствовал себя не совсем уверенно, но вот в воде с ним не справиться. Мы с Чжу Ба-цзе нападали на него с двух сторон и все же едва держались. Что же нам теперь делать, как спасти учителя?

— Медлить нельзя, дух может причинить нашему учителю вред.

— Вот что, брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе, — я постараюсь выманить его из воды, ты же не шуми, подымись в воздух и жди там. Если дух высунет голову, бей его прямо по макушке. Если ты не убьешь его, то хоть оглушишь. А уж тут я подоспею со своими граблями и полностью рассчитаюсь с ним.

— Вот это верно! — обрадовался Сунь У-кун. — Будем, как говорится, действовать дружно. Только так мы и сможем одолеть духа.

И вот двое из них снова отправились в воду, но говорить об этом мы пока не будем, а расскажем лучше о том, как дух, потерпев поражение, вернулся к себе во дворец. Здесь его окружили подчиненные духи.

— Куда вы угнали монахов, великий князь? — спросила окунь-самка, выступив вперед.

— У этих монахов оказался еще один помощник, — отвечал дух. — Я не знаю, сколько весит его

посох, но мой молот не устоит против него. Я не выдержал и трех схваток, как вынужден был признать свое поражение.

— А не можете ли вы, великий князь, сказать, как выглядит их помощник? — спросила самка-окунь.

— Этот монах остроухий, с плоским носом, с золотистыми, словно огонь, глазами, весь обросший шерстью. Он, пожалуй, похож на Бога грома.

От этих слов у окуня-самки мороз пошел по коже.

— Великий князь! — воскликнула она. — Хорошо, что вы оказались столь разумным и вовремя покинули поле боя. Вы спасли себя. Задержись вы там, пришлось бы вам распрощаться с жизнью. Этого монаха я знаю.

— Откуда же ты знаешь его? — поинтересовался дух.

— В то время я жила в Восточном море и слышала, как старый Царь драконов рассказывал о его славе. Пятьсот лет тому назад этот монах взбунтовался против небесных чертогов. Это — изначальный животворный дух, золотой святой, прекрасный царь, Великий Мудрец, равный небу. Недавно он принял буддизм и сейчас охраняет Танского монаха, который идет на Запад за священными книгами. Зовут его Сунь У-кун — странствующий монах. Он обладает волшебной силой, а также способностью много раз перевоплощаться. Как же вы осмелились сердить его? Смотрите, впредь не вступайте с ним в бой.

Не успела окунь-самка проговорить это, как появится дух-привратник.

— Великий князь, — доложил он. — Монахи снова явились к воротам и вызывают вас на бой.

— Вы очень предусмотрительны, дорогая сестра, — промолвил дух. — Теперь я уж больше не выйду к ним, нечего мне там делать. Ребята! — крикнул он. — Закройте-ка покрепче ворота. Недаром говорится: «Пусть кричат у врага, ворот не открывать». Пускай шумят хоть два дня. А когда угомонятся и уйдут отсюда, мы распорядимся Танским монахом по собственному усмотрению.

Выполняя приказ своего властелина, духи стали подтаскивать к воротам камни, завалили их глиной и наконец накрепко закрыли.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не переставали вызывать духа на бой и лишь когда убедились, что все напрасно, Дурень рассердился и изо всей силы хватил по воротам своими граблями. Но ворота были настолько крепко заперты, что лишь на восьмом ударе удалось выломать дверцу. За воротами вздымались горы наваленной комьями глины.

— Слушай, брат!—сказал Ша-сэн. — Дух так испугался нас, что завалил свои ворота и, конечно, не выйдет сюда. Придется нам пока вернуться на берег и посоветоваться с нашим братом, что делать дальше.

Чжу Ба-цзе согласился, и они отправились на берег. Между тем Сунь У-кун, как и было договорено, сидел на облаке с посохом наготове. Увидев, что на берег вышли только его друзья, а духа нигде не видно, он тотчас же спустился вниз и поспешил к своим братьям.

— Что же вы не поступили так, как мы условились?

— Это чудовище не желает показываться, — сообщил Ша-сэн. — Мы выломали ворота и увидели, что они завалены глиной. Вот почему мы не вступили с ним в бой и решили посоветоваться, как спасти нашего учителя.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал Сунь У-кун. — Вы оставайтесь пока здесь, на берегу, и следите, чтобы дух как-нибудь не улизнул. А я скоро вернусь.

— Куда же ты, брат, собрался? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Я отправлюсь на гору Путошань, к бодисатве, узнаю, откуда взялось это чудовище и как его зовут, а затем отправлюсь на его родину, расправлюсь со всеми его родными и соседями и вернусь сюда, чтобы схватить самого духа и спасти учителя.

— Дорогой брат, — произнес со смехом Чжу Ба-цзе. — Дело это очень хлопотливое, да и времени отнимет слишком много.

— Ручаюсь, что это вовсе не так трудно и времени отнимет не очень много, — успокоил его Сунь У-кун. — Я мигом возвращусь.

О, чудесный Великий Мудрец! Он взвился ввысь на луче волшебного света и в одно мгновение очутился у Южного моря. Через каких-нибудь полчаса он уже увидел хребет Лоцзяшань. Здесь он опустился на своем облаке на землю и был встречен двадцатью четырьмя небесными духами, духом — хранителем горы, Мокшей, шаньцай тунцзы и дочерьми дракона, несущими жемчуг. Приветствуя Сунь У-куна поклонами, они спросили:

— Что привело вас сюда, Великий Мудрец?

— Я хочу повидать бодисатву, — отвечал Сунь У кун.

— Сегодня утром она покинула пещеру, — отвечали небожители, — и никому не позволила сопровождать ее. Она отправилась погулять в бамбуковую рощу Однако, зная, что вы придете, приказала встречать вас здесь и велела передать, что сразу не сможет вас принять. Поэтому, будьте милостивы, присядьте здесь на изумрудный утес и обождите ее.

Только было хотел Сунь У-кун присесть, как к нему подошел один из учеников бодисатвы и, с поклоном приветствуя его, молвил:

— О Великий Мудрец Сунь У-кун! Благодаря вашим высоким благодеяниям и милосердию бодисатвы, я теперь безотлучно нахожусь при ней, моей повелительнице, прислуживаю ей у лотосового трона и всегда испытываю на себе ее великое милосердие.

В подошедшем небожителе Сунь У-кун узнал духа — Красного ребенка.

— Я знал тебя еще злым духом, — смеясь сказал он. — И лишь теперь, когда ты многое познал, то понял наконец, как благороден Сунь У-кун.

Прошло довольно много времени, а бодисатва все не появлялась Сунь У-кун уже стал сердиться.

— Уважаемые небожители! — воскликнул он. — Доложите, пожалуйста, бодисатве, что пока я ее здесь дожидаясь, мой учитель может погибнуть.

— Мы не смеем тревожить бодисатву, — отвечали те — Она приказала вам ждать и сказала, что сама придет сюда.

Но Сунь У-кун по натуре своей был существом нетерпеливым и, не в силах больше ждать, вскочил на ноги и направился к роще. И, о чудо!

Царь прекрасный обезьяний

Был насмешником известным,

И его не в состоянии

Удержать был сонм небесный.

В рощу смелыми шагами

Обезьяний царь вступает

И широкими глазами

Каждый кустик озирает.

Бодисатвы облик нежный

Он заметил зорким взглядом:

Занималась та небрежно

Утренним своим нарядом.

Гуаньинь скрестила ноги,
Кожа рук ее блистала
На подстилке у пороги
Бодисатва отдыхала
Не видать на ней халата,
Кофта собрана умело,
Юбка из парчи богатой
Стройный стан ее одела.
Был прекрасен облик чистый
Плечи — голы, ноги — босы,
Словно легкий шелк пушистый,
Были спутанные косы.
Бодисатва подымала
Перламутровую руку
И стальным ножом срезала
Кожу тонкую с бамбука.

Увидев ее, Сунь У-кун не удержался и громко крикнул: — Бодисатва! Ученик твой от всего сердца приветствует тебя! — Обожди меня возле рощи! — приказала бодисатва.

— Милостивая бодисатва! — не отставал Сунь У-кун — Мой учитель в опасности. И я пришел сюда лишь для того, чтобы узнать все о чудовище, которое обитает в реке, Достигающей неба.

— Покинь рощу и обожди, пока я выйду, — повторила бодисатва.

Сунь У-кун не смел больше настаивать на своем и вышел из рощи.

— Что это бодисатва решила сегодня заняться хозяйственными делами? — обратился он к небожителям. — Почему, вместо того чтобы восседать на лotosовом троне в своем убранстве и предаваться наслаждениям, она пошла в бамбуковую рощу и срезает там кожицу бамбука?

— Мы ничего не знаем, — отвечали небожители. — Мы знаем только, что сегодня утром она вышла из пещеры, даже не надев своего наряда, и отправилась прямо в бамбуковую рощу. Нам же она приказала встретить вас здесь. Очевидно, она что-то делает для вас.

Сунь У-куну ничего не оставалось, как запастись терпением и ждать. Вскоре из рои показалась сама бодисатва с бамбуковой корзиночкой в руках.

— Ну, Сунь У-кун, — промолвила она, — пойдем спасать Танского монаха.

— Я не смею торопить вас, бодисатва, — отвечал Сунь У-кун. — Может быть, вы пойдете к себе и оденетесь, а затем уж займете свой трон.

— Я не хочу тратить на это времени, — отказалась бодисатва. — Так пойду.

И, покинув небожителей, она на волшебном луче взвилась в воздух. Великий Мудрец последовал за ней, и очень скоро они прибыли к реке, Достигающей неба.

— Ну и горяч же наш брат, — завидев их, говорили между собой Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. — Большой шум, должно быть, поднял он на Южном море, раз сама бодисатва, даже не принарядившись как следует, явилась сюда.

Когда бодисатва с Сунь У-куном опустились на берег, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, склонившись, приветствовали бодисатву:

— Простите нас, милостивая бодисатва, что мы беспокоим вас.

Тут бодисатва сняла с себя шелковый пояс и прикрепила к нему корзинку. Затем она понеслась на облаках над рекой вверх по течению и, забросив корзинку в реку, произнесла заклинание:

— Погибшие уходите! Живые оставайтесь здесь!

Повторив его раз семь, она вытащила корзинку из воды.

И — что же вы думаете? В корзинке оказалась золотая рыбка. Она извивалась, била своим сверкающим хвостом и мигала глазами.

— Сунь У-кун, — громко приказала бодисатва. — Живее иди в воду и спасай своего учителя!

— Да как же я могу спасти его, ведь мы не выловили еще чудовище? — возразил Сунь У-кун.

— А это что? — сказала бодисатва, указывая на корзинку.

— Неужели эта рыбка обладала столь волшебными способностями?! — с изумлением спросили Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, кланяясь.

— Это была огромная золотая рыба, которую я вскормила в своем лotosовом пруду, — сообщила им бодисатва. — Она имела привычку каждый день высовывать из воды голову и слушать священное писание. Таким образом ей удалось выработать в себе эти волшебные качества. Молот с девятью лепестками, которым она действовала, всего-навсего цветок лотоса с нераспустившимся бутонem, который она при помощи волшебства превратила в свое оружие. Однажды, во время огромного морского прилива, когда все затопило, рыба лопала сюда. И вот сегодня, опираясь на балюстраду и любуясь цветами, я была удивлена, почему это существо не приветствует меня. Когда же я тщательно проследила, куда она скрылась, то поняла, что она здесь и, превратившись в духа, угрожает жизни вашего учителя. Поэтому-то я, не успев даже причесаться и одеться, сплела корзинку, чтобы захватить чудовище.

— Милостивая бодисатва, — молвил тут Сунь У-кун, — обожди немного, я позову сюда семейство Чэнь и всех остальных последователей Будды: пусть они узрят твой золотой лик. Это будет для них великая милость. Мы расскажем им так-же о том, как было выловлено чудовище. Подобное чудо укрепит веру и увеличит благочестие этих смертных.

— Ну что ж, — согласилась бодисатва, — зови их, только быстрее.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн опрометью помчались в селение и стали звать:

— Спешите лицезреть живую бодисатву Гуаньинь!

Все население деревни, от мала до велика, бросилось на берег и тут, несмотря на воду и грязь, люди опустились на колени, отбивая земные поклоны, и случилось так, что среди них оказался искусный живописец, который нарисовал в этот момент бодисатву Гуаньинь с корзинкой в руках. Тогда-то и появилось ее первое изображение. После этого бодисатва удалилась в сторону Южного моря.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, прокладывая себе путь в воде, направились к жилищу Черепахи на розыски своего учителя. Все оборотни-рыбы были мертвы и уже начали разлагаться. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прошли за дворец и, раскрыв каменный ящик, освободили своего учителя. На собственных плечах понесли они Трипитаку и, выбравшись наконец из воды, предстали перед всеми. Увидев Трипитаку, братья Чэнь склонились.

— Если бы вы послушались нас, почтенный отец, и остались здесь, — молвили они, — не пришлось бы вам подвергать свою жизнь такой опасности.

— Ну, об этом сейчас не стоит говорить, — сказал Сунь У-кун. — Хорошо, что жителям вашего селения не надо будет беспокоиться о жертвоприношении в будущем году. Теперь вы навсегда освободились от этого злого духа — великого князя, и он не будет причинять вам вреда. А сейчас мы побеспокоим вас, уважаемые братья Чэнь, и попросим поскорее найти лодку, чтобы мы могли переправиться через реку.

— Все будет сделано! — охотно отозвался один из братьев по имени Чэнь Цин.

И он тотчас же приказал напилить досок и сделать лодку.

Все жители старались чем-нибудь помочь. Один предлагал достать мачты и паруса, другой — весла и шесты. Третий — обещал достать веревки, четвертый — заявлял, что будет платить гребцам.

Но вдруг общий шум заглушил громкий голос, раздавшийся из реки:

— Великий Мудрец, зачем строить лодку и понапрасну тратить силы, средства и материал? Я перевезу вас всех с вашим учителем через реку.

Этот голос вызвал такой страх у жителей деревни, что почти все они бросились бежать, за исключением самых храбрых, которые с трепетом ожидали, что будет дальше. Через некоторое время из воды показалось чудовище. И вы только послушайте, каким оно было:

Чудовище с божественною силой —

Она жила в воде за веком век;

Она средь ила хвост свой волочила

И пряталась на дне у тысяч рек

Пучину вспучив, на берег ползла

И солнцу совершала поклоненье,

Квадратной голова ее была —

Подобной нет у смертного творенья.

На берегу морском ложилась спать,

И дух она ученьем укрепляла,

Чтоб Истину глубоко постигать.

Давно здесь Черепаха обитала.

— Великий Мудрец, — повторила старая Черепаха, — зачем строить лодку, я перевезу вас вместе с вашим учителем через реку.

— Ах ты проклятая тварь! — заорал Сунь У-кун, размахивая своим посохом. — Если ты хоть еще немного приблизишься к берегу, я прикончу тебя этим посохом.

— Я очень признательна вам, Великий Мудрец, за оказанную вами милость, — продолжала Черепаха, — и искренне хочу оказать вам услугу. Почему же вы грозитесь убить меня?

— За какую это милость ты хочешь отблагодарить меня? — спросил Сунь У-кун.

— Вы, может быть, и не знаете, Великий Мудрец, — отвечала Черепаха, — что дом старой Черепахи на дне этой реки — мое обиталище. В течение многих поколений этот дом принадлежал предкам и от них перешел ко мне. Путем самоусовершенствования я овладела волшебной силой и полностью перестроила доставшийся мне от предков дом, превратив его в настоящий водный дворец. И вот в один прекрасный день, девять лет тому назад, здесь появился злой дух. Плывая по течению и взбаламучивая воду, он напал на мое жилище и вступил со мной в бой. Многие из моих детей погибли, а большинство родственников попало к нему в плен. У меня не было сил бороться с ним, и мой дом достался этому злодею. Но вот сейчас благодаря тому что вы, Великий Мудрец, спасая своего учителя, пригласили сюда бодисатву Гуаньинь и она избавила реку от этого чудовища, мой дом снова перешел ко мне. Теперь я могу собрать всех родных и устроить их удобно в нашем старом жилище, а не прозябать в тине и грязи, как нам приходилось все это время. Подобная милость огромна, как гора, и глубока, как море. Однако милость оказана не только нам. Жители этого селения избавлены теперь от необходимости каждый год приносить жертвы. Знаете ли вы, скольких людей спасли от смерти? Это поистине значит убить двух зайцев. Так разве не должны мы принести вам свою благодарность?

Выслушав Черепаху, Сунь У-кун в душе остался очень доволен и, убрав посох, сказал:

— А ты не лжешь?

— Разве стану я обманывать вас, Великий Мудрец, после того как вы оказали мне столь великую милость?! — воскликнула Черепаха.

— Поклянись небом, что говоришь правду, — приказал Сунь У-кун.

И Черепаха, широко раскрыв красный рот и глядя на небо, принесла следующую клятву:

— Пусть тело мое превратится в воду, если я не переправлю вас благополучно через реку, Достигающую неба.

— Ну, теперь можешь выходить на берег, — сказал улыбаясь Сунь У-кун.

Старая Черепаха подплыла и, поднатужившись, как могла, взобралась на берег. Люди подошли поближе, чтобы рассмотреть ее. Это была огромная черепаха, покрытая белым панцирем, четырех чжанов в диаметре.

— Садитесь, учитель, — пригласил Сунь У-кун, — поплывем.

— Ученик мой, — отвечал Трипитака, — даже когда река была покрыта толстым слоем льда, мы двигались по ней с трудом. Боюсь, что на спине Черепахи мы будем чувствовать себя очень

неустойчиво.

— Не волнуйтесь, учитель, — успокоила его Черепаха. — На моей спине вы будете чувствовать себя куда увереннее, чем на самом толстом льду. Если я хоть слегка накренюсь, то готова полностью отвечать за это.

— Учитель, — вмешался тут Сунь У-кун. — Существо, которое умеет говорить человеческим языком, не может лгать. Ну, братья, — скомандовал он, — ведите коня!

К этому времени на берег реки проводить отъезжающих собралось все население деревни Чэньцзячжуан, — пришли и древние старцы и малые дети. По распоряжению Сунь У-куна, коня поставили на самой середине панциря Черепахи. Трипитака стал слева, около головы коня, Ша-сэн — справа, Чжу Ба-цзе — позади, а Сунь У-кун — впереди. Опасаясь, как бы Черепаха не выкинула с ними какой-нибудь штуки, он снял с себя пояс, которым была подвязана его тигровая накидка. Один конец его он привязал к носу черепахи, а другой взял в руку. Получилось нечто вроде повода. Затем одной ногой он стал на голову Черепахи, а другой — уперся ей в спину. Итак, держа в одной руке повод, а в другой посох, он крикнул:

— Ну, теперь можешь трогаться, только осторожно! Помни, что при малейшем наклоне ты получишь удар по голове.

— Да как же я осмелюсь! — воскликнула Черепаха.

С этими словами она выпустила свои лапы и, погрузившись в реку, поплыла так спокойно, словно двигалась по земле.

В это время оставшиеся на берегу люди сжигали фимиам, отбивали земные поклоны и произносили:

— О Амитофо! Великий Будда!

И действительно, можно было подумать, что святой Алохань явился к простым смертным и что на землю сошел живой Будда. Мы не будем распространяться о том, как народ на берегу возносил свои молитвы. Лишь когда путники скрылись из виду, все разошлись по домам.

Не прошло и дня, как Трипитака со своими учениками на спине Черепахи проделал путь в 800 ли и благополучно переправился через реку, Достигающую неба. Не замочив даже рук и ног, они высадились на противоположном берегу. Очутившись на суше, Трипитака сложил руки и, благодаря Черепаху, промолвил:

— Старая Черепаха! Очень жаль, что мне нечем отблагодарить тебя за оказанную нам услугу. Но я надеюсь, что смогу сделать это, когда буду возвращаться со священными книгами.

— Вы можете не беспокоиться и не думать об этом, — сказала Черепаха. — Но у меня есть к вам одна просьба. Я слышала, что в Индии живет Будда, который выше законов жизни, ему известно и прошлое и будущее. Так вот, я занимаюсь самоусовершенствованием уже более тысячи трехсот лет. За это время я достигла долголетия и легкости тела, научилась говорить по-человечески, но до сих пор не могу освободиться от своего панциря. Я была бы вам очень признательна, учитель, если бы вы, когда приедете в Индию, спросили у Будды, сколько еще пройдет времени до того момента, когда я смогу освободиться от панциря и принять человеческий облик?

— Я обязательно спрошу его об этом, — обещал Трипитака.

После этого Черепаха скрылась под водой. Сунь У-кун помог Трипитаке сесть на коня, Чжу Ба-цзе взвалил на себя коромысло с вещами, Ша-сэн пошел рядом. Вскоре они вышли на дорогу и двинулись прямо на Запад. Об этом поистине можно было сказать:

Шествовал на Запад

Много дней монах,

Поклониться Будде

Получив указ;

Млечный Путь прошел он,

Долго шел в горах,

Трудности встречались

На пути не раз.

Шел он непреклонно —

Цель была ясна.

Лишь бы долг исполнить —

Гибель не страшна!

Однако, если вы хотите знать, сколько им предстояло еще пройти и как велики были бедствия, постигшие их, вам придется прочитать следующие главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287659>